

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ЗА 10 ВЕКОВ: К ВЫХОДУ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ БИОГРАФИЙ

© 2016 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

В статье дается общая характеристика вышедшего недавно Энциклопедического словаря биографий. В ходе анализа Словаря рассматриваются основные этапы отечественной юридической науки и правовой идеологии.

The article gives General characteristics of the recently published Encyclopedic dictionary of biographies. The analysis of the Dictionary considers the main stages of the domestic legal science and legal ideology.

Ключевые слова: юридическая наука, правовая идеология, общая теория права, история политических и правовых учений.

Key words: legal science, legal ideology, General theory of law, history of political and legal doctrines.

В 2015 г. завершилось издание четырехтомного Энциклопедического словаря², посвященного истории отечественной юридической науки и правовой идеологии, что, несомненно, является заметным событием нашей научной жизни. Работа выполнена авторским коллективом Российского государственного университета правосудия под руководством проф. В.М. Сырых (инициатор проекта и автор концепции). За последние годы данный вуз стал одним из крупнейших научных центров страны³. Как представляется, это

стало возможным, в частности, благодаря тому, что в университете были созданы специальные научные подразделения. Понятно, что далеко не каждый российский вуз имеет финансовые и материальные возможности для интенсификации научной деятельности, но вести научные исследования, он, конечно, обязан. В этом смысле Российский государственный университет правосудия показывает хороший пример умелого и эффективного сочетания образования и науки.

Вышедший четырехтомник – первый биобиблиографический труд такого масштаба, ранее ничего подобного в отечественной юридической науке не создавалось. И это притом что аналогичные словари и энциклопедии уже созданы у нас в литературоведении, философии, социологии, психологии, религиоведении. Только сейчас нашлись силы в нашей юридической науке, которые смогли поднять труд такого широкого размаха. Суммарный объем Словаря около 500 п.л., он включает в себя 4 тыс. статей, снабжен детальным и обширным научным аппаратом. На его подготовку ушло более 10 лет, что относительно немного, учитывая компактный состав авторского коллектива. Автор около 40% статей – В.М. Сырых, весомый вклад в подготовку издания внесли Н.А. Власенко, Н.М. Золотухина, С.А. Колунтаев, В.В. Лапаева и др. Авторам удалось максимально полно представить отечественную юридическую науку и правовую идеологию в лицах, идеях и трудах. Даны практически все более или менее заметные фигуры прошлого и современности, так или иначе, прямо или косвенно повлиявшие на становление юридического знания и правовой идеологии России (ученые, писатели, философы, политические деятели и публицисты). Не будет преувеличением сказать, что подготов-

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

Vyacheslav Zhukov, professor in the Department of theory of state and law and politology of the faculty of law of Moscow state University named M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

² См.: Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 1. XI – начало XX в. / Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП; изд. группа “Юрист”, 2009. 919 с.; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2. 1917–1964 гг. / Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП, 2011. 976 с.; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3. 1965 – 1 января 2011 г. / Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РГУП, 2015. 1055 с.; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 4. 1965 – 1 января 2011 г. / Отв. ред. В.М. Сырых. М.: РГУП, 2015. 942 с. Первый вариант данного труда: Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.). Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В.М. Сырых. М.: РАП, 2006. 548 с.

³ В качестве еще одного широкомасштабного научного проекта следует назвать 9-томную “Историю суда и правосудия в России”, 1-й том которой уже вышел (см.: История суда и правосудия в России. В 9-ти т. / Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века) / Отв. ред. С.А. Колунтаев, В.М. Сырых. М., 2016).

ленный Словарь — веха в российской юридической науке.

Историю иногда сравнивают с “великим кладбищем”, “царством теней”, что во многом верно. Прожитый вчера день уходит в прошлое безвозвратно, становится историей и может быть воспроизведен лишь в памяти. Верно также и то, что история цепко держит в своих руках сегодняшний день, во многом определяет поступки современного поколения людей. Человеческая культура (особенно духовная) обладает колоссальной силой инерции, направляя жизнь чередующихся одно за другим поколений. Проблема состоит в том, что общество, погруженное в быт сегодняшнего дня, часто не осознает той почвы, на которой оно развивается, тех нитей, которые уходят в глубь веков и связывают его с ними. Культура любого общества — это органическая совокупность пластов, слоев, образующихся в результате жизнедеятельности поколений. Последующий пласт закрывает собой предыдущий, устанавливая тем самым как бы естественный барьер между поколениями. Это почти как на кладбище: захоронения, произведенные десятилетия назад, забытые и неухаживаемые, используются под новые захоронения. Дети еще ухаживают за могилами своих родителей, внуков на это уже не хватает, могилы забываются, зарастают. Так и в истории культуры: последующее поколение создает свою культурную среду, иногда напрочь забывая прежде существовавшую. Каждое новое поколение людей создает свой быт, свою архитектуру, свой стиль одежды, свою музыку, свою литературу, свою систему образования, свою систему власти и т.д. Среди наших современников мало найдешь любителей древнегреческого эпоса, французской литературной классики XVIII в. или немного кино 20-х годов. В сфере гуманитарного образования и науки дело обстоит примерно также: каждое новое поколение ученых создает свои труды, пишет свои учебники, создает свой понятийный аппарат, свою традицию. Часто бывает так, что и научные труды, и учебники последующих поколений слабее предыдущих (во второй половине XX в. в Европе и в нашей стране это обычное дело), но это не может отменить данного факта жизни: каждое новое поколение ученых создает свою научную среду, свою культуру.

В естественных и технических науках связь с предшествующими эпохами более тесная, ее видно любому профессионалу (математику, физику, химику, биологу, физиологу). Невозможно изучать естествознание и технику, отрываясь от

истории данных наук, поскольку и то и другое построено на принципе кумулятивного накопления. В обществоведении такой жесткой зависимости между историей и современностью нет, современные труды из области социальных наук существуют вполне автономно и могут читаться как бы вне контекста мировой культуры. Современный философ, культуролог, социолог, юрист-теоретик, создавая свои работы, субъективно настроен на выявление социальных констант, универсалий, однако фактически и по преимуществу он отражает в своем творчестве специфику современного общественного бытия. Новизна в социальных науках зачастую определяется не открытием новых универсалий, законов и закономерностей, а отражением в трудах особенностей текущей исторической эпохи, отражением господствующего мировоззрения. Меняются исторические эпохи, меняется содержание работ. Поскольку история человечества и любого конкретного общества уникальна, дважды не повторяется, новизна исторического момента вносит что-то новое в социальные исследования.

В условиях такой культурной автономности (если можно так выразиться) социальная наука может развиваться не только прогрессивно, но и регрессивно, т.е. иметь тенденцию к деградации. В естествознании и технике данная метаморфоза исключена, поскольку прогресс этих наук мотивируется интересами людей, их стремлением к комфорту и независимости от неблагоприятных условий природы. Общественная наука — это по большей части сфера ценностей и идеологии, она есть средство закрепления духовной культуры конкретного исторического этапа. Обществоведческое знание во многом относительно и условно, в нем нет твердого стержня, оно способно хиреть и деградировать. Вторая половина XX в. (или последняя его треть) как раз такой процесс и демонстрирует. Создается впечатление, что, например, обществоведение на Западе после взятых вершин XIX — первой трети XX в. не способно идти дальше, все больше работая на холостых оборотах. Вершины взяты, подниматься выше некуда, можно только спускаться вниз. Крупные авторы второй половины XX в. занимаются по большей части тем, что обсуждают идеи прежних эпох, прилагая их к современности. Такой подход оправдан и разумен: вместо того чтобы еще раз изобретать колесо, лучше вспомнить и переосмыслить ранее написанное классиками. В таких условиях многократно возрастает исследовательская деятельность, нацеленная на разработку культурных пластов прошлого, на актуализацию

идей, выдвинутых ранее. Отсюда — большое культурное значение изданного Словаря.

Представленный четырехтомник дает возможность реконструировать картину отечественной юридической мысли, помогает получить четкое и достаточно полное представление о школах, персоналиях, трудах и идеях. Мы получили надежный путеводитель по истории русской юридической мысли, позволяющий нам лучше понять связь с прошлыми эпохами. Не вызывает сомнений, что Словарь даст новый импульс для развития нашей юридической науки. Речь идет прежде всего о формировании истории юридической науки — большого и важного направления, которому ранее уделялось недостаточно внимания. Следует отдавать себе отчет в том, что специалисты, работающие как в отраслевой, так и в фундаментальной юридической науке, слабо знают ее историю. В этом отношении показательной является практика внедрения новой для нас дисциплины “История и методология юридической науки”, включенной образовательным стандартом в учебный план магистратуры. И подготовленные учебники, и отзывы преподавателей разных вузов свидетельствуют, что введение данной дисциплины застало нас всех врасплох. Быстро стало понятно, что преподавательский корпус имеет весьма смутное представление о содержании данного курса, что история и теория юридической науки — большая и вполне самостоятельная отрасль знания, специалистов по которой у нас нет. Проблемами истории, теории и методологии юридической науки занимались либо от случая к случаю, либо не занимались вовсе. В дореволюционной России было издано несколько монографий, подготовленных отраслевыми специалистами об истории своей отрасли⁴, есть работы современных авторов⁵, но в целом никакой системности в историческом исследовании юридической науки как не было, так и нет.

⁴ См.: *Грaбарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005; *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории уголовного права в России. М., 2003; *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003; и др.

⁵ См.: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. М., 2007; *Его же.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. Учеб. пособие. М., 2010; *Его же.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. Учеб. пособие. М., 2010; *Его же.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. Учеб. пособие. М., 2010; *Его же.* Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху “великих реформ” (60-е — начало 80-х гг. XIX в.). Учеб. пособие. М., 2013; *Шилохвост О. Ю.* Русские цивилисты: середина XVIII — XX в. Краткий биографический словарь. М., 2005; и др.

Ситуацию здесь следует радикально и быстро исправлять. Например, можно было бы расширить специальность 12.00.01 и изложить ее в следующей редакции: “Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; история и методология юридической науки”. Во всяком случае подготовленный четырехтомник будет служить хорошим подспорьем для будущих исследователей. Авторы Словаря сделали доступными сведения о тысячах источниках, достав их из библиотек и архивов, что, конечно, заметно облегчит усилия специалистов.

Четыре тома Словаря распределены в соответствии со следующей периодизацией отечественной юридической науки: первый том охватывает XI — начало XX в.; второй — ленинский и сталинский этапы Советской власти; третий и четвертый — послесталинский СССР и современную Россию. Такое распределение материала имеет свою логику и отражает хронологию событий.

Первый том представляет особую ценность, так как пришлось работать с материалом, наименее известным и потребовавшим наибольших усилий для его поиска. С XI по начало XX в. — это почти вся история русской мысли и культуры, включающая в себя средневековые, эпоху Просвещения (XVIII в.), XIX и начало XX в., русское зарубежье. Авторы Словаря поставили перед собой цель показать развитие юридической науки и правовой идеологии России в лицах, трудах и идеях. Соответственно, набор персоналий явственно разбивается на две основные группы: к первой относятся ученые-юристы, ко второй — все те, кто влиял на юридическую науку и формирование правовой идеологии. Выборка по второй группе составляет набор персоналий, известный нам по истории политической, философской, религиозной мысли, по истории литературы. В русском средневековье это: Иларион, Владимир Мономах, Филофей, Зиновий Отенский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Иван IV, А. Курбский, И. С. Пересветов, Аввакум, Никон, Симеон Полоцкий и др. В XVIII — начале XX в.: декабристы (П. И. Пестель, Н. М. Муравьев), славянофилы (К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) и западники (Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин), политические деятели и публицисты (Екатерина II, А. Н. Радищев, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, С. Г. Нечаев, Л. А. Тихомиров, П. Б. Струве, В. М. Чернов, А. Ф. Керенский, И. Л. Солоневич), религиозные философы (П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев), евразийцы (Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев),

литературные критики (В.Г. Белинский, Д.И. Писарев), писатели (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов), историки (В.Н. Татищев, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров). Задача авторов сводилась к тому, чтобы во взглядах известных нам фигур найти их отношение к праву и государству, показать тот профиль, который заявлен в Словаре. Во многом это удалось.

Может, например, возникнуть сомнение в расширении перечня персоналий до писателей и литературных критиков. В философском словаре их появление оправданно⁶, так как в творчестве выдающихся художников с помощью художественного метода выражается мировоззрение эпохи, а это уже философский компонент. С поиском у писателей и литературных критиков юридических взглядов сложнее, если они специально не касались данного вопроса. Однако дело в том, что государство и право – универсальные институты, поглощающие и пронизывающие все поры общества. Проблематика русских писателей XIX – начала XX в., как правило, связана с политико-правовой действительностью царской России. Одна из главных – тема “маленького человека”, заданного глыбой Российской Империи (“Станционный смотритель”, “Шинель”. “Униженные и оскорбленные”). Пушкин, Гоголь (статьи о нем в Словаре, к сожалению, нет), Достоевский убедительно показали, что как бы человек не пытался укрыться в своем маленьком мирке, всюду его настигает власть общества, класса, к которому он принадлежит, и наконец, государства. О чем, собственно, повесть “Шинель”? Внешне это похоже на анекдот: человек полжизни положил на покупку новой шинели, а после ее кражи не смог вынести такой утраты и сошел с ума. Данный сюжет трудно себе представить, например, в американской литературе, где главный мотив типичного героя – стремление выстоять в любых обстоятельствах. Но в условиях России такое поведение – своего рода архетип, сформированный всей русской историей. Последняя многократно доказала многим поколениям русских людей, что человек – это ветошь, с которой общество и власть не готовы считаться и о которую можно вытереть ноги. В XX в. тема “маленького человека” достигает своего апогея в советской лагерной прозе. “Записки из подполья” Достоевского меркнут перед “Колымскими рассказами” В. Шаламова, где детально показан процесс превраще-

ния личности в лагерную пыль. От Акакия Акакиевича до советского зека – дистанция, конечно, огромного размера. Если в царской России мелкие чиновники испытывали экзистенциальный ужас перед властью, попав в бытовые неудобства, то перед миллионами советских людей вставала проблема их физического уничтожения. Однако при всем различии Гоголя и Шаламова в их текстах видна константа русского национального правосознания: забитость и подавленность человека властью, неверие в силу закона и справедливость.

Как говорил глава формальной школы в советском литературоведении В.Б. Шкловский, литература отличается от жизни так же, как вишневое варенье от вишни. Судить о николаевской России по “Мертвым душам” или “Ревизору” означает отождествлять творческие фантазии Гоголя с исторической реальностью. Если смотреть на нашу историю сквозь призму русской литературы XIX в., сквозь призму темы “маленьких” и “лишних” людей, то становится непонятным, как могла образоваться одна из величайших империй мира. Когда князь Нехлюдов, испытывая муки совести, отправляется вслед за Катюшей Масловой на каторгу, возникает законный вопрос: неужели русская история делалась такими князьями? Думается, что с точки зрения типичного русского дворянства Вронский, променявший блистательную карьеру на любовь к женщине, или Нехлюдов, получавший удовольствие от исполнения роли кающегося грешника, – дегенераты, недостойные своих пращуров. Вместе с тем Л.Н. Толстой глубоко прав, рисуя картину русского дворянства конца XIX в.: оно действительно разлагалось, и он как художник это хорошо чувствовал и понимал. Мир образов Л.Н. Толстого лучше любого другого научного исследования показывает правосознание русского общества на излете исторической России. То же можно сказать и о Гоголе: при всей фантазматичности его текстов он сумел выявить глубинные архетипы русского правосознания. В цикле своих статей “Грядущий Хам” Д.С. Мережковский точно сформулировал главную тему Гоголя: ощущение метафизического зла, исходящего от русской жизни. Гоголевские персонажи – не просто “прорехи” на теле человечества, они точный индикатор господствующих в обществе отношений и ценностей. Моральное уродство – не случайность в русской культуре, а ее необходимый элемент, являющийся одновременно и предпосылкой, и следствием политико-правовой действительности. И выхода из данного замкнутого круга не видится. Такой во всяком случае делаешь вывод, читая Гоголя.

⁶ См.: Русская философия. Энциклопедия. Изд. 2-е, дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014.

Вторая, основная группа персоналий первого тома — ученые-юристы, о многих из них мы или ничего не знаем, или знаем очень мало. Юридическая наука современного типа в континентальной Европе и России складывается примерно на рубеже XVIII–XIX вв. Особенность нашей юридической науки состояла в том, что на ее становление огромное влияние оказала наука европейская. Точки отсчета русской юридической науки — учреждение Российской академии наук и Московского университета. XVIII — первая половина XIX в. проходит в основном в том, что осваивается европейская правовая культура, идет процесс ее приспособления к местным условиям. Со второй половины, и особенно с последней трети XIX в. юридическая наука в России начинает развиваться на своей собственной основе, вполне достигая уровня Европы. Авторы Словаря поступили совершенно правильно, поместив статьи о профессорах-иностранцах, ставивших у нас образование и науку. Большинство из них, работая в конце XVIII — начале XIX в., не оставили заметных трудов, но важно было отметить, что они были и оказали свое благотворное влияние. В Словаре есть статьи о польских юристах, издававших свои работы на русском языке.

Дореволюционная юридическая наука и образование имели непосредственную связь с европейской традицией. Все поколения русских юристов прошли хорошую выучку в европейских университетах, перенося по возможности все лучшее на русскую почву. Студент или преподаватель дореволюционного юридического факультета осваивал свою профессию во многом на европейских источниках, на языке оригинала. Для русского ученого-юриста европейская правовая культура — почти родная, так как на ее основе формировалась отечественная юриспруденция. Когда читаешь тексты дореволюционных юристов, всегда возникает стойкое ощущение прерванной на них традиции. Советская власть, провозгласив разрыв с буржуазной и феодальной культурой, установила своеобразный “железный занавес” между поколениями советских и дореволюционных юристов. Для типичного советского юриста, отраслевика или теоретика, тексты юристов европейского средневековья, эпохи Просвещения или XIX в. — это своего рода Атлантида, о которой у них всегда были отрывочные сведения. Русская дореволюционная наука — не только наша история, из которой мы выросли, это — способ восстановления нарушенной традиции, восстановление связи с нашей второй родиной — Европой. Тексты дореволюционных юристов демонстрируют не только высокую культуру, позднее во многом

утраченной, но также степень освоенности и уровень глубокой творческой переработки европейского материала. Россия не переживала рецепцию римского права, она заимствовала римскую традицию, уже во многом готовой, из континентальной Европы. Но, как верно заметил Н.М. Коркунов, если европейским юристам на адаптацию римской догматики потребовались столетия, отечественная наука прошла этот путь за 150 лет⁷. В исторически короткие сроки европейская догматика была не только освоена, но глубоко переработана применительно к нашим историческим условиям.

Говоря о дореволюционной юридической науке, стоит остановиться на ее периодизации. Иногда у наших авторов чувствуется некоторая обида, вызванная тем обстоятельством, что история русской философской, этической, экономической, эстетической, психологической или юридической мысли начинается не с XI, а с XVIII в. Например, в наиболее известном курсе в России и на Западе “История русской философии” В.В. Зеньковского изложение материала фактически начинается с XVIII в., а период с XI по XVII в. ужимается до минимума. Наиболее крайний подход демонстрирует Г.Г. Шпет, для которого почти вся история русской философии — период ученичества и неумелого заимствования с Запада. Описывая отечественную средневековую мысль, он не жалеет иронии и сарказма, пытаясь представить ее в качестве некоего нелепого недоросля. Многие западные курсы, посвященные русской мысли, также начинают ее историю с XVIII в. Как бы не относиться к подобной традиции, есть объективные основания для ее существования. Возьмем для сравнения русскую средневековую философскую и политико-правовую мысль: у нас — “Слово о законе и благодати” Илариона, в Европе — “Сумма теологии” Фомы Аквинского, у нас — Зиновий Отенский, переписка Ивана Грозного с А. Курбским, в Европе — сочинения Н. Макиавелли и Ж. Бодена, у нас — “Политика” Ю. Крижанича (по сути, европейский автор), в Европе — “О праве войны и мира” Г. Гроция и т.д. Первые профессора Московского университета — это главным образом просветители, несшие в русскую жизнь европейскую культуру. И по объему, и по уровню теоретичности наши источники сильно уступают европейским. Действительно, оригинальная мысль начинается с Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева и славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин), в работах

⁷ См.: Коркунов Н.М. История философии права. М., 2011. С. 233.

которых, правда, весьма заметно европейское влияние (консерватизм Ж. де Местра, философия истории Гердера, Шеллинга, Гегеля). Сказанное не означает, что русскую философскую или политико-правовую мысль следует изучать с XVIII в., когда появляются источники, внешне напоминающие европейские (это европоцентристский подход). Здесь следует понимать, что наша средневековая духовная культура важна и ценна прежде всего нам, а не европейцам или народам других регионов мира. Европейцы смотрят на русскую средневековую мысль как на экзотику, имеющую ценность для узкого специалиста и не обладающую универсальным значением. Для нас наша духовная история — фундамент, определяющий существование и дальнейшее развитие русской культуры, правосознание современного российского общества. Именно поэтому история нашей духовной культуры начинается для нас не в XVIII или в XIX в., а в XI, когда закладывались основы русской цивилизации.

Вместе с тем при всей ценности любых источников русской духовности эпохи средневековья или XVIII в. надо быть точными в определении хронологических рамок различных феноменов культуры. Если философская и политико-правовая мысль, безусловно, берет свое начало в XI в., то юридическая наука возникает много позднее, на рубеже XVIII–XIX вв. Здесь следует помнить, что юридическая наука состоит, как минимум, из двух компонентов: догматической юриспруденции и фундаментальной (исторические и теоретические дисциплины). Отраслевая догматика (гражданское право, уголовное, государственное, административное, процессуальное) возникает в континентальной Европе во многом как результат рецепции римского права. Благодаря усилиям глоссаторов и постглоссаторов гражданское право, например, к началу XIX в. становится подлинной наукой. Отраслевая юридическая наука возникает там, где она начинает сознавать себя в качестве самостоятельной и самоценной сферы знания, отличной от существующего позитивного права и правоприменительной практики. Говорить о возникновении отраслевой юридической науки можно только тогда, когда она перестает воспринимать себя придатком юридической практики. Юридическая догматика тогда становится наукой, когда приобретает качество самостоятельного субъекта, сознательно влияющего на процесс правотворчества и правоприменения. Данная трансформация в Европе происходит примерно на рубеже XVIII–XIX вв. (французский Гражданский кодекс 1804 г. убедительно показал факт существования науки гражданского права).

В России юридическая наука возникает не намного позднее, хотя и со своими особенностями. Казалось бы, кодифицированные источники русского права (начиная с Соборного уложения 1649 г.), демонстрирующие относительно высокий (по тем временам) уровень юридической техники, должны говорить о наличии юридической науки. Однако это только на первый взгляд. “На пути изучения попыток кодификации русского законодательства,— пишет дореволюционный юрист Г.С. Фельдштейн,— обнаруживается не только отсутствие научного метода, но и нераздельное господство приказной юриспруденции, которая собственными усилиями, хуже или лучше, создавала законодательство, имевшее практическую ценность”. “Кодификационные опыты эпохи, следующей за Уложением 1649 г.,— продолжает автор,— на пространстве времени вплоть до появления известной екатерининской Комиссии свидетельствуют с очевидностью, что они ни приемами своей работы, ни самими результатами деятельности не обнаруживают на себе влияния научной юриспруденции. К факту о том, что юристы наши не обращаются к юридической литературе в качестве подспорья при выполнении их практических задач, присоединяются и данные, находящие подтверждение в характере результатов их творчества. Типичной для этого времени является такая работа наших юристов, которая направлена на сводку разновременных постановлений при помощи простого приписывания их к старым узаконениям и на заимствование, далее, целиком западноевропейских сборников с приспособлением их для тех потребностей, которые предъявляет практическая жизнь. Если же наши юристы первой половины XVIII в. и вырабатывают проекты кодексов, то делают это путем использования старой, выработанной практики, системы, раздвигая рамки прежних делений и втискивая в них новый законодательный материал, созданный течением и потребностями государственной жизни, поскольку они сознаются деятелями того времени”⁸. К концу XVIII в., согласно Г.С. Фельдштейну, потребность в создании науки догмы права только осознается, а в первую треть XIX в. научная догма зарождается. Кодификация 30–40-х годов значительно подвинула вперед догматику права, но только к концу 50-х появляются серьезные труды в этой области⁹. В известном смысле правотворчество в России опережало юридическую науку. Так,

⁸ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 40, 45.

⁹ См.: там же. С. 231, 287, 500, 501, 509.

кодификация законодательства, проведенная под руководством М.М. Сперанского, дала мощный импульс юридической науке и юридическому образованию. Университетский устав 1835 г. в значительной мере отразил структуру состоявшейся кодификации, сама же юридическая наука освобождалась от схоластики и переориентировалась на изучение нормативного материала России. Лексика уставов 1835 и 1863 гг. предполагала изучение не столько законов, сколько наук о праве.

Первый том оснащен богатым справочным аппаратом: есть алфавитный указатель персоналий, систематический указатель работ дореволюционных правоведов, разбитых по отраслям права (“Теория государства и права. Философия права. Социология права”, “История государства и права”, “Местное самоуправление. Крепостное право и его отмена” и т.д.), дается список литературы, использованной при подготовке Энциклопедического словаря. В первый том включены также авторы, оставшиеся после 1917 г. в России, но не имевшие трудов в советский период своей жизни.

Второй том включает в себя авторов, создававших свои труды в период с 1917 по 1964 г. в рамках марксизма-ленинизма. В это время формируется и развивается советская юридическая наука, оказавшаяся под определяющим влиянием политики В.И. Ленина и И.В. Сталина. В предисловии тома подчеркивается, что сталинский период не заканчивается в 1956 г.: известное постановление ЦК КПСС “О преодолении культа личности Сталина и его последствий” “не внесло существенных изменений в стиль и методологию научных исследований государства и права”¹⁰. Конечная дата периода, связанная со Сталиным, приходится на 1964 г., когда было принято постановление ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране”. Возможно, так и было, если иметь в виду весь массив вышедшей тогда научной литературы. Вместе с тем “хрущевская оттепель” уже с середины 50-х годов повлияла на оживление советской юридической науки, на что справедливо указывает В.С. Нерсисянц: “Некоторые юристы старшего поколения воспользовались появившейся возможностью отмежеваться от определения права 1938 г., начали критику позиций Вышинского и предложили свое понимание и определение социалистического права. В противовес “узконормативному” определению права Вышинским и его последователями было

предложено понимание права как единства правовой нормы и правоотношения (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский) или как единства правовой нормы, правоотношения и правосознания (А.К. Стальгевич, Я.Ф. Миколенко)”¹¹.

Ленинский и сталинский этапы в развитии советской юридической науки уникальны и по-своему весьма интересны. Советская власть предложила партийный, классовый подход в понимании государства и права, обосновывающий режим пролетарской диктатуры и строительства социализма-коммунизма. Если Маркс и Энгельс идейно обосновывали необходимость разрыва с буржуазной правовой идеологией и культурой, то Ленин и Сталин практически его осуществили. Советская юридическая наука – это поучительный опыт адаптации западной правовой культуры к режиму партийной коммунистической диктатуры. Поначалу юридическая наука дореволюционной России явочным порядком отменяется, поскольку большевики усматривали в ней проводник буржуазно-помещичьего влияния. Упразднялись юридические факультеты, на смену которым пришел “политико-юридический разряд” Социалистической академии общественных наук. Однако довольно быстро (особенно с введением в 1921 г. новой экономической политики) Советская власть осознает ценность юридической догматики, которая активно используется при подготовке первых кодексов. Переход от этапа пролетарской диктатуры к режиму социалистической законности и советскому праву потребовал привлечения опыта буржуазной правовой культуры. Отраслевая догматика быстро показала свою внепартийность и способность служить любому режиму. Понятно, что марксистские клише во многом ломали устоявшийся понятийный аппарат, но саму догму отменить было невозможно. Поскольку правовая регламентация оставалась, поскольку требовалось юридически формализовать новые общественные отношения, воспроизводились условия для развития догматики.

Произошла трансформация и в общей теории права. К концу XIX в. общая теория права сложилась как комплексная междотраслевая дисциплина, состоявшая из нескольких компонентов: исторического, философского, догматического и социологического. После Октября 1917 г. она также оказалась на подозрении у новой власти, поскольку отражала, по мнению большевиков, интересы буржуазии и помещиков и несла с собой “контрреволюционные настроения”. Фило-

¹⁰ Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2. 1917–1964 гг. / Отв. ред. В.М. Сырых. С. 23.

¹¹ Нерсисянц В.С. Философия права. Учеб. для вузов. М., 1997. С. 311.

софский компонент общей теории права был, как правило, насыщен идеализмом, а догматический — тесно связан с отраслевой наукой, “буржуазно-помещичьей” по своему духу. Поэтому было вполне естественным, что в общей теории права на первый план вышли исторический и социологический компоненты, а философский и догматический либо полностью вытеснены, либо значительно сужены. Историческое и социологическое исследование права было созвучно собственно марксистскому подходу к праву. Поначалу общая теория права оказалась включенной в исторический материализм на правах ее элемента. Позднее, после Совещания 1938 г., когда была установлена ее каноническая советская форма, общая теория права вновь появляется в качестве самостоятельной науки.

Во втором томе авторы Словаря поставили перед собой, в частности, следующие задачи:

“выявление деятелей науки, партии и государства, непосредственно причастных к обоснованию, пропаганде или проведению сталинского режима массовых репрессий и иных нарушений прав человека на жизнь”;

“разоблачение фарисейского характера претензий сталинской идеологии и конкретизирующих ее работ советских исследователей в области государства и права на подлинный марксизм, на его творческое развитие применительно к конкретным задачам и условиям советского государства и права”;

“обоснование неспособности методологии, сведенной к формально-догматическому анализу действующего законодательства, описанию политико-правовой практики, допускающей подмен теоретического анализа исследуемых политико-правовых явлений односторонним подбором и комментированием цитат из работ основоположников марксизма”¹².

Данный подход обусловил появление статей о советских деятелях: В.И. Ленине, И.В. Сталине, Л.П. Бери, А.Я. Вышинском, А.А. Богданове, Н.И. Бухарине, Л.М. Кагановиче, М.И. Калинин, А. Коллонтай, Н.К. Крупской, Г.М. Кржижановском, С.Б. Ингулове, П.Ф. Юдине. Появление данных персоналий вполне оправданно, так как их усилиями формировалась новая правовая культура и идеология. Мы должны знать их мировоззрение, их взгляды на политику, государство и право. Словарь все это предоставляет. Однако есть два замечания. Во-первых, содержание отдельных статей (например, о Бери, Кржижановском, Ка-

гановиче) слабо увязано со взглядами персоналий на государство и право, в основном дается биография, обзор их деятельности на разных постах. Во-вторых, просматривается некоторый перекося в сторону осуждения деятелей советской власти (особенно Сталина, Бери, Вышинского). Чтобы подчеркнуть репрессивный характер сталинского режима, во втором томе помещается мартиролог жертв политических репрессий. Для объективного понимания сталинской эпохи данный мартиролог — вещь оправданная, дающая представление о тех страшных условиях, в которых оказалась наша наука. Вместе с тем для Словаря важны не оценки, а строгое формализованное знание о том или ином персонаже русской истории. Так, авторы Словаря разводят Ленина и Сталина на разные полюса, противопоставляя их в качестве своего рода положительного и отрицательного героев: Сталин, нарушивший заветы Ленина, ответствен за массовые репрессии, главная задача и советского государства, и советской юридической науки состояла якобы в том, чтобы восстановить ленинские нормы партийной, государственной и общественной жизни, ленинскую политику в отношении ученых и гуманитарной науки. Эта хрущевская трактовка, данная на XX съезде партии, давно устарела. Можно подумать, что не Ленин основал партийную диктатуру в России, что не он ввел практику заложников и массового террора, что не он насаждал партийность в гуманитарной науке, приведшей в конечном счете к ее застою и деградации.

Второй том также оснащен солидным научным аппаратом: есть алфавитный указатель, систематический указатель работ советских правоведов, разбитых по отраслям права, указатель по степеням (разделы: кандидаты юридических наук, магистры наук, доктора наук).

В третий и четвертый тома вошли: 1) доктор наук, внесшие весомый вклад в юридическую науку; 2) партийные деятели, определявшие основные направления правовой политики и юридической идеологии; 3) кандидаты наук, опубликовавшие несколько монографий. “За последние 20 лет в России, — отмечается в предисловии, — было защищено докторских диссертаций намного больше, чем за последние два столетия. Так, с 1994 по 1998 г. по правовым наукам было защищено 258 докторских и 373 кандидатских диссертаций, а далее число защит шло по нарастающей и достигло до 300 докторских диссертаций в год”¹³. Процент докторов юридических

¹² Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2. 1917–1964 гг. / Отв. ред. В.М. Сырых. С. 21.

¹³ Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3. 1965 — 1 января 2011 г. / Отв. ред. В.М. Сырых. С. 15.

наук, по тем или иным причинам не включенным в Словарь, составляет не более 0.3–0.5%. Хронологические рамки третьего и четвертого томов – с 1965 г. по настоящее время. Таким образом, советская и постсоветская юридическая наука (т. 2–4) по объему персоналий в три раза превышает всю дореволюционную, что выглядит вполне нормально. К настоящему времени накоплен огромный массив научной литературы, требующий систематизации и анализа. Мы имеем 74 года развития советской юридической науки и уже 25 лет постсоветской, т.е. почти 100 лет после того фундамента, который нам оставили дореволюционные юристы. При всех своих недостатках, вызванных неблагоприятными политическими условиями, советская юридическая наука по основным направлениям достигла выдающихся результатов. И догматическая, и фундаментальная юриспруденция обеспечили существенное приращение знания, дали все необходимое для практики правотворчества и правоприменения. Так, в общей теории права, взращенной на плодородной ниве гегельянства, марксизма и позитивизма, мы получили сотни блестящих работ.

Факт высокого уровня советской юридической науки особенно бросается в глаза на фоне того вала так сказать научной литературы, который наблюдается после 1991 г. В советские времена существовал миф, согласно которому советский человек плохо работал, потому что не был материально заинтересован, ему мало платили. Вот если бы, рассуждали либералы-западники, нашего работника поставить в условия капитализма, тогда бы он показал чудеса работоспособности, производительность труда взлетела бы до небес, а качество товаров достигло бы европейского уровня. Годы русского капитализма всех отрезвили: нашему человеку сколько не плати, он все равно работает, как может, а не как надо. Примерно тот же феномен наблюдается в сфере духовной культуры и науки. В неконформистской среде советские интеллектуалы рассуждали: коммунистический режим подавляет свободное творчество писателей, поэтов, композиторов, художников и т.п. Вот если бы, говорили они, не было тоталитаризма, как бы далеко шагнуло наше искусство. Наконец, коммунистический режим пал. Однако его долгожданный крах не привел ни к какому творческому взлету, скорее наоборот: повсеместно виден упадок культуры, науки и нравов. Где обещанные шедевры в литературе, философии и гуманитарной науке? Их нет. Видимо, связь между творческим подъемом народа и политическим режимом не является линейной. Так, про Д.Д. Шостаковича говорили, что его мрачная музыка отражает политику сталинских репрессий. Седьмая симфония (“Ленинградская”),

например, не о нашествии нацистов, а о советском тоталитаризме. Ничего подобного, конечно, не было. Напротив, советская власть всячески побуждала Шостаковича быть оптимистом (“Песня о встречном”, оперетта “Москва, Черемушки”), что противоречило его художественной природе. Окажись он в условиях “свободной страны”, его музыка, возможно, была бы еще более мрачной. Таким было мироощущение данного художника.

Еще один советский миф – о цензуре. В неконформистских кругах считалось (и считается многими сейчас), что советская цензура искалечила многие произведения искусства и научные труды. Проблемы с цензурой были, отрицать этого невозможно. Однако не следует забывать и позитивную роль цензуры. Иногда сетуют: одна из препон развития советской юридической науки – крайне ограниченное количество специализированных издательств и журналов. Действительно, автору было довольно сложно пробиться в издательство, годами дожидаясь выхода своей книги. Вместе с тем советские издательства были тем необходимым фильтром, который отсеивал литературный хлам. Сейчас ничего подобного нет. Любой графоман или “чудик” (наподобие шукшинских героев) может за свой счет опубликовать рукопись, крича на каждом углу, что создал шедевр. Десятки работ по юриспруденции, лежащие на прилавках магазинов, в советские времена на пушечный выстрел не были бы допущены до издательства в силу их теоретической убогости и элементарной малограмотности. Свобода, как выясняется, не повышает, а понижает уровень культуры, науки и образования.

Постсоветская юридическая наука – сложный противоречивый феномен, постепенно расслаивающийся на разные направления. Теоретический и методологический плюрализм – вот, пожалуй, основная черта нашей современной юридической науки. Она интенсивно развивается вширь и вглубь, что убедительно демонстрирует Словарь.

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что подготовленный четырехтомник – грандиозный труд, достойный самой высокой оценки. Поскольку наша юридическая наука развивается и обновляется, данный Словарь должен отражать происходящие изменения. С этой целью необходимо иметь электронную версию Словаря, которую следовало создать по последнему слову компьютерных технологий и дополнять новыми персоналиями. В дальнейшем хорошо было бы дать обобщающие статьи, посвященные направлениям в юридической науке и правовой идеологии, а также отдельным научным и учебным учреждениям.